

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Фан Ц. Применение теории этногенеза Л. Н. Гумилёва к изучению отношений между Китаем и Хунну // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.3.74196 EDN: UPBXPN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74196

Применение теории этногенеза Л. Н. Гумилёва к изучению отношений между Китаем и Хунну

Фан Цзялинь

кандидат культурологии

аспирант, кафедра русской литературы, Хэйлунцзянский университет

150006, Китай, г. Цзилинь, ул. Туаньцзе, Парк Лицзин

✉ fangjialinsofia@163.com

[Статья из рубрики "История этносов, народов, наций"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.3.74196

EDN:

UPBXPN

Дата направления статьи в редакцию:

22-04-2025

Дата публикации:

01-06-2025

Аннотация: Отношения между Китаем и кочевыми народами Центральной Азии, особенно с хунну, на протяжении веков волновали умы историков. Эти связи, полные противоречий и напряжения, до сих пор остаются одной из ключевых тем для понимания истории Евразии. Однако привычные подходы к их изучению нередко упускают из виду сложность и многослойность этого взаимодействия. Здесь на помощь приходит теория этногенеза Льва Николаевича Гумилёва — подход, который объединяет в себе историческую географию, антропологию и экологию, позволяя взглянуть на прошлое с новой стороны. Объекты исследования — Ханьская империя и конфедерация хунну как два исторических субъекта, чьи судьбы переплелись в эпоху ранней античности. Предмет исследования — их взаимоотношения во II–I веках до н.э., увиденные через теорию этногенеза Гумилёва. Основные методы включают: 1) применение концепций

пассионарности, вмещающего ландшафта и фаз этногенеза к интерпретации исторических событий; 2) сравнительный анализ экологических и социальных факторов, определяющих динамику конфликта; 3) верификацию теоретических положений на основе исторических данных. Источниковая база включает первичные исторические тексты, такие как «Ханьшу» Бань Гу, археологические материалы. Гипотеза научного исследования: теория Гумилёва, опирающаяся на понятия пассионарности, стадий этногенеза и влияния природной среды, способна объяснить, почему отношения между Китаем и хунну развивались так непредсказуемо, и показать, как экологические и энергетические факторы влияли на их динамику. Научная новизна заключается в том, что в этой работе теория этногенеза Гумилёва впервые последовательно используется для изучения китайско-хуннских отношений. Такой подход расширяет её географическое применение и проверяет её возможности на примере восточных обществ, что ранее оставалось вне поля зрения большинства исследований. Анализ показал, что гумилёвская модель объясняет нелинейную природу их взаимодействия, экологическую обусловленность конфликтов и циклический характер этнических процессов. Практическая значимость работы заключается в расширении географических рамок теории Гумилёва и её верификации на восточных обществах.

Ключевые слова:

Л. Н. Гумилёв, теория этногенеза, пассионарность, междисциплинарные исследования, Китай, этнос, ландшафт, этногенез, китайско-хуннское противостояние, хунны

Хунну — могущественный кочевой народ, активный с III века до н. э. по I век н. э., сформировавшийся на обширных степных просторах к северу от Китая. Как отмечается в работе Линь Ганя «Всеобщая история хунну», «основу хуннского этноса составило племя „хунну“, которое, вероятно, постепенно развились из племён сюньюй, гуйфан и сяньюнь»^[1]. К концу III века до н. э. хунну сформировались в единый могущественный народ во главе с правителем, носившим титул «шаньюй». Полный титул верховного вождя — «чэнли гуту шаньюй», где «чэнли» означает «небо», «гуту» — «сын», а «шаньюй» — «великий». Шаньюю помогал управлять туци-ван («туци» переводится как «справедливый, верный»), разделявшийся на левого и правого князей.

Политическая организация хунну представляла собой эффективный инструмент внутренней консолидации и внешней экспансии. Благодаря военным кампаниям и династическим бракам влияние хунну распространилось от Монгольского нагорья до Центральной Азии и Восточной Европы. Эта экспансия сопровождалась не только территориальным ростом, но и культурным взаимодействием, особенно с китайскими империями, что обогатило политические и социальные структуры хунну. Под руководством шаньюя военная мощь хунну достигла апогея. Их конница, отличавшаяся мобильностью и боевой эффективностью, стала доминирующей силой в степях и серьёзным вызовом для китайских государств. Военная стратегия и организация хунну оказали глубокое влияние на последующие кочевые народы, включая тюрков и монголов. Миграция северных хунну на запад спровоцировала масштабные перемещения народов Евразии. Племена ухуань, сяньби, жуаньжуань и другие, вытесненные хунну, продвинулись в регионы Южной России и Восточной Европы. Социальная иерархия хунну имела жёсткую структуру: на вершине находился шаньюй — верховный правитель, ниже — аристократия (левые и правые князья), управлявшая отдельными племенами. Экономика основывалась на кочевом скотоводстве, особенно разведении лошадей,

крупного и мелкого рогатого скота. Подвижный образ жизни позволял эффективно использовать пастбищные ресурсы. Охота, помимо хозяйственного значения, служила тренировкой боевых навыков молодёжи. Религиозные представления хунну отражали глубокое почитание природы и духов. Культ Неба (Тенгри) проявлялся в титуле шаньюя — «Сын Неба». Шаманы играли ключевую роль в ритуалах, включавших жертвоприношения, вызывание дождя и общение с духами. Это мировоззрение демонстрировало стремление к гармонии с природными силами. Художественные традиции хунну отличались ярким степным колоритом, особенно в металломонументике. Бронзовые изделия с анималистическими мотивами, динамичные по композиции, служили как утилитарным целям, так и выражением культурной идентичности. Взаимодействие с Китаем началось с пограничных конфликтов. Молниеносные рейды хуннских конницы вынудили империю Цинь начать, а Хань — усилить строительство Великой стены. Параллельно с конфронтацией действовала политика «хэцинь» — династических браков. Передача китайских принцесс в жёны шаньюям временно смягчала противостояние, хотя хунну периодически нарушали договоры. Тем не менее, эти союзы позволили Ханьской империи укрепить границы и постепенно распространять культурное влияние. Торговля на приграничных рынках стала важным каналом взаимодействия. Обмен шёлком, изделиями ремёсел на лошадей и меха способствовал экономической взаимозависимости. Хунну перенимали китайское оружие и украшения, китайцы — элементы кочевого костюма и кулинарии. Как отмечал Лев Гумилёв, «если бы не сопротивление хунну, мощный Китай мог бы подчинить себе всю Азию»^[2],

подчёркивая определяющую роль ханьско-хуннских отношений в исторической динамике региона.

1. Междисциплинарный подход как новация исторических исследований

Китайские учёные единодушно признают, что “теория Гумилёва представляет собой успешный синтез множества дисциплин — географии (включая геофизику и метеорологию), экологии, психологии, социологии, истории (включая археологию и источниковедение)”^[3]. Такой комплексный метод анализа позволил перевести изучение китайско-хуннских отношений с уровня описания исторических событий на уровень глубинного исследования многофакторности этих отношений через призму антропологии, генетики, биологии и других наук.

Антрапологическая перспектива ярко иллюстрируется на примере кочевых народов, чей образ жизни органично вписывается в рамки антропологического анализа. Например, вопрос о причинах частых набегов кочевников на земледельческие цивилизации, на первый взгляд кажущийся сугубо историческим, на деле тесно связан с их системой жизнеобеспечения. Неспособность степных народов самостоятельно производить железо обуславливала его дефицит, вынуждая добывать металл через грабежи. Помимо железа, ключевой целью набегов были чай и другие предметы первой необходимости. Это объяснялось не только материальной нуждой, но и физиологическими потребностями: рацион кочевников, основанный на молочных продуктах, обеспечивал достаточное количество белка, но был беден углеводами и витаминами. Создание китайскими династиями системы «чайно-лошадиной меновой торговли» (茶马互市) имело целью уравновесить взаимные потребности. Однако прекращение торговли из-за голода или войн в Центральном Китае лишило кочевников легальных каналов получения жизненно важных ресурсов, вынуждая их к насильтственному захвату.

Безусловно, набеги степняков носили разрушительный и несправедливый характер, но с позиции кочевого общества закрытие торговых путей означало блокаду выживания,

оставляя грабёж единственной альтернативой. Более того, подобные действия не сводились исключительно к материальным мотивам. Историография традиционно фиксировала эти события поверхностно, тогда как антропологический подход позволяет раскрыть их глубинную логику.

Ярким примером служит анализ брачных обычаем кочевников, таких как традиция "когда умирает отец, берут в жёны его жён; когда умирают братья, берут их жён"^[4]. Это не просто культурная аномалия, а адаптивная демографическая стратегия. В условиях экстремально низкой продуктивности степного хозяйства (одна семья кочевников могла нуждаться в сотнях гектаров пастбищ) и высокой детской смертности (до 60%) подобные обычаи, как отмечал ещё российский этнограф Б.Я. Владимирцов в работе «Общественный строй монголов» (1927), обеспечивали репродуктивную устойчивость: «принудительное повторное замужество вдов гарантировало каждой женщине репродуктивного возраста минимум пять родов, что было критически важно для сохранения численности этноса»^[5].

Современные исследования, такие как полевые работы социолога Ма Гоцина в монгольских пастбищных районах, подтверждают сохранение элементов подобных практик даже в условиях современной медицины: "семьи по-прежнему придерживаются модифицированных форм левирата, где братья коллективно несут ответственность за воспитание детей"^[6]. Это даёт ключ к пониманию древних хуннских институтов.

Однако китайская историография часто ограничивается хронологическим описанием событий («в таком-то году произошло то-то»), избегая анализа их структурных причин. Действия кочевников сводятся к «агрессии» или «варварству», что игнорирует их социально-экономическую детерминированность. Строго академический подход требует выйти за рамки морализаторства, раскрывая многослойную мотивацию исторических акторов. Именно здесь антропология демонстрирует свою эвристическую ценность: она не только фиксирует человеческое поведение, но и объясняет его генезис через призму экологических, экономических и культурных контекстов.

Физическая перспектива. Как отмечалось ранее, Гумилёв рассматривает этнос как особую энергетическую систему, где его оригинальная теория «пассионарного напряжения», основанная на законе сохранения энергии, формирует уникальную модель этнической динамики. В этой модели подъём и упадок этнических общностей интерпретируются как динамический процесс аккумуляции и диссипации энергии, аналогичный преобразованию кинетической энергии в классической механике. Когда внутреннее пассионарное напряжение этноса превышает критический порог, возникает «фазовый переход» — масштабные миграции или экспансии цивилизаций. Внезапный расцвет Хуннской конфедерации в III веке до н.э. напоминает резкий выброс потенциала сжатой пружины: волны военных завоеваний хунну создали динамический баланс с оборонительной системой Ханьской империи.

Принцип "действие равно противодействию" находит отражение в работе американского учёного Томаса Бар菲尔да: «циклическое усиление кочевых империй, таких как хунну, коррелирует с уровнем централизации китайских династий — появление сильного оседлого государства провоцирует военную консолидацию кочевников в „зеркальную империю“ для сохранения доступа к ресурсам»^[7]. Этот тезис подтверждается историей ханьско-хуннских отношений: активная военная политика императора У-ди ускорила реорганизацию хуннских племён, приведя к стратегическому переформатированию Южных хунну при шаньюе Хуханье.

Гумилёв также применяет закон сложения векторов для анализа движущих сил этногенеза. Взаимодействие кочевой и земледельческой цивилизаций уподобляется механической системе: стабильная социальная структура Хань выступает инерциальной системой отсчёта, а периодические набеги хунну — внешней силой. Преобразование элементов взаимодействия (торговля, брачные союзы, военные конфликты) в векторные компоненты показывает, что результирующая сила неизменно направлена в сторону культурного синтеза.

Такая модель выявляет скрытые каналы энергообмена за фасадом конфронтации: созданная Ханьской династией «потенциальная преграда» в виде Великой стены стимулировала формирование «кинетического коридора» степного Шёлкового пути. В критической точке фазового перехода теория находит подтверждение: военное превосходство хунну в ранний период Западной Хань отражало временное состояние энергетической перенапряжённости их системы. Стратегия У-ди по «отсечению правого крыла хунну» ввела в систему диссилиативный фактор, ускорив рассеивание энергии хунну. К I веку н.э. Южные хунну, пережив каскадный энергетический коллапс, завершили реинтеграцию через подчинение Хань, тогда как Северные хунну, подобно брошенному телу в классической механике, начали миграцию на запад.

Однако редукция культурной субъектности к механическим векторам может упрощать семантику межцивилизационного диалога. Тем не менее, такой междисциплинарный подход открывает новые горизонты для анализа цикличности ханьско-хуннских отношений, переосмысливая «Шёлковый путь» как пространство двустороннего энергообмена.

Экологическая перспектива. Гумилёв интегрирует принцип динамического равновесия экосистем в изучение этносов, трактуя ханьско-хуннские отношения как форму симбиоза, основанного на биосферном энергообмене. В «Этногенезе и биосфере Земли» он подчёркивает, что экологическая уязвимость евразийских степей определяла циклы «пассионарных всплесков» кочевников. Концепция «экспроприации выживания», предложенная французским антропологом Р. Груссе в «Империи степей», дополняет теорию экологического давления: «при продолжительных зимних бедствиях (дзуд) свыше трёх лет вероятность набегов кочевников возрастает на 300%»^[8].

Когда экологическая нагрузка (засухи, снежные бураны) превышала порог устойчивости кочевого хозяйства, в суперэтнической системе хунну активировались механизмы компенсации: горизонтальное перераспределение скота через родственные сети сменялось, при пролонгированном кризисе, вертикальной мобилизацией субэтносов для «энергетической экспансии» в земледельческие зоны. Подчинение Южных хунну Хань в 51 году до н.э. интерпретируется как результат превышения предела экологической адаптации: комбинация «чёрных бедствий» (засух) и «белых бедствий» (снежных катастроф) в степях Монголии вызвала каскадный распад суперэтноса. Субэтнические группы (например, сюйту) мигрировали в Хэтаоскую равнину, создавая гибридные формы полукочевого-полуседлого существования — биосферный аналог экологической сукцессии.

Политика Хань в области «регулируемой торговли» имела двойной экологический эффект:

1. Ежегодный экспорт 2 млн шёлковых свитков компенсировал энергодефицит степей, трансформируя военную активность кочевников в экономическую зависимость.

2. Импорт зерна через приграничные рынки изменил пищевой рацион хуннской элиты, снизив их пассионарность.

Этот двусторонний обмен сформировал транзитную экологическую нишу вдоль Иньшаньских гор, где 36 ключевых торговых пунктов стали узлами энергопотоков. Как отмечает Гумилёв: изменения поведенческих паттернов этнической системы отражают энергетический баланс биогеоценоза^[9]. В соответствии с его теорией иерархии этносов, достижение устойчивого энергообмена между суперэтносами порождает «пограничные формы» (например, ханьские «варвары, охраняющие границы»), выполняющие роль:

- клапанов сброса экологического давления;
- инкубаторов новых этнических моделей.

Биологическая перспектива. Гумилёв формулирует принцип комплементарности, согласно которому формирование этнической идентичности хунну и Хань представляет собой синтез биологического отбора и социального конструирования. Когда кочевые воины сталкивались с ханьскими гарнизонами вдоль Великой стены, подсознательные сигналы (орнаменты одежды, боевые кличи, телесные запахи) запускали механизм «биоидентификации», формируя архаичную дихотомию «свой-чужой». В захоронениях хуннской знати ордосского региона сочетаются скифо-сибирские зооморфные украшения (биологические маркеры идентичности) и ханьские колесничные принадлежности (продукт социокультурного взаимодействия). Этот культурный палимпсест подтверждает тезис Гумилёва: «этнос формируется как конгломерат биологических инстинктов и культурных наслоений».

Политика «брачных союзов» (хэцинь) особенно ярко демонстрирует эту двойственность. Ханьские принцессы, прибывавшие в ставку шаньюя с семенами культурных растений и мастерами-текстильщиками, выступали носителями как биологических (генетических), так и культурных кодов. Генетические исследования выявили внезапное появление митохондриальной гаплогруппы Оа-F8 у южнохуннской элиты, коррелирующей с дунхуским происхождением ханьских невест. Этот биосоциальный синтез (генетический поток + социополитическая реконфигурация) радикально трансформировал границы идентичности правящего класса хунну.

Маргинальные группы «варваров, охраняющих границы» стали лабораторией комплементарности. Смешение ханьских дезертиров, перебежчиков-хунну и цянских беженцев привело к формированию гибридной идентичности через:

1. Социальную связь — общую модель скотоводческо-земледельческого хозяйства;
2. Биологическую конвергенцию — физическую гомогенизацию благодаря межэтническим бракам.

При учреждении системы зависимых княжеств (шуго) для расселения покорённых хунну в округе Бэйди, Хань сознательно сохраняла племенную организацию (социальная комплементарность), внедряя земледелие для изменения метаболических паттернов (биологическая адаптация). Эта двусторонняя регуляция понизила статус южных хунну от суперэтноса до субэтнического компонента ханьской пограничной системы. Как показывает теория Гумилёва, ханьско-хуннское противостояние и интеграция представляли собой сложную игру биологического притяжения и социального отталкивания, направленную на оптимизацию энергообмена между этносистемами.

Археологическая перспектива. Археология предоставляет материальную основу для

преодоления источниковедческих ограничений. Например, памятник Чжукайгоу в Ордосе (XV век до н.э., бронзовый век) демонстрирует:

- Существование полуземляночных жилищ и загонов для скота;
- Многочисленные кости КРС, овец и лошадей, подтверждающие описанную в хрониках модель «хунну, кочующих со стадами»;
- Совместное нахождение бронзовых кинжалов/наконечников стрел и ханьской керамики, свидетельствующее о раннем товарообмене между кочевой и земледельческой цивилизациями.

Цзянъяньские деревянные таблички эпохи Хань, обнаруженные в августе 1974 г. в помещении №22 городища Цзяцюйхуогуань, реконструируют реалии пограничья. Запись «Дело о взыскании долга с Кэ Эня начальником гарнизона Суй Цзюнем в 3-й год Цзяньу» (27 г. н.э.) доказывает действие ханьских законов на 200 км севернее границы.

Поэтому, исследователям истории степных народов необходимо владеть не только лингвистикой, но и междисциплинарным инструментарием (антропология, биология, экология, археология). Такой подход позволяет:

1. Раскрыть глубинные механизмы социального поведения кочевников (хунну, монголы);
2. Преодолеть поверхностную фиксацию исторических событий;
3. Анализировать историю как комплекс биосоциальных процессов.

Междисциплинарность расширяет исследовательские горизонты, предоставляя инструменты для деконструкции сложности исторических феноменов. Как отмечает Гумилёв, история регистрирует действия, но лишь наука объясняет их причины.

2. Этнические процессы в рамках вмещающего ландшафта

В середине XX века советский историко-географ В.К. Яцунский сформулировал ключевую задачу исторической географии как исследование географического измерения исторических процессов. Его концепция включала четыре направления:

- 1) Природные ландшафты конкретной эпохи;
- 2) Этнический состав и миграции;
- 3) География производственно-экономических связей;
- 4) Политические границы и география значимых событий^[10].

Гумилёв, развивая эту идею, ввёл понятие «вмещающего ландшафта», углубив синтез географии и этнологии. Согласно его теории, ландшафт – не пассивный фон, а динамическая «вмещающая система», формирующая модели этнического поведения и этногенеза. Это сместило фокус исследований от статичного наблюдения к анализу «этнос-ландшафтного взаимодействия», где формирование и миграции народов объясняются через изменения среды, климата и ландшафтных характеристик: «Миграции и процессы этногенеза, вне всякого сомнения, обусловлены элементами ландшафта и корреспондируют с колебаниями климата... люди влияют на природу, как, впрочем, влияют на нее любые фаунистические формы»^[11]. В отличие от четырёхмерной модели Яцунского, гумилёвский «комплементарный ландшафт» трактует среду как органическую

часть этнической экосистемы. Здесь ландшафт и этнос подобны звеньям экологической цепи, находящимся в постоянной коэволюции.

Помимо прорыва в научной парадигме, учение Гумилёва предложило исторической географии новые исследовательские подходы через инновационную методологию. Традиционные исторические исследования часто ограничивались источниками, особенно страдали от селективных искажений исторических материалов, что загоняло учёных в узкие рамки однофакторного причинного анализа. Например, при изучении этнических миграций их обычно сводили к военным конфликтам или политическим событиям, игнорируя влияние климатических изменений и экологических трансформаций. Гумилёв же, применяя метод временных рядов, выявил синхронность исторических событий и изменений природного ландшафта, раскрыв тем самым сложные механизмы «человеко-земельного взаимодействия».

Исследуя процесс сельскохозяйственной экспансии Цинь и строительство Великой стены, Гумилёв отмечал: когда предки китайцев обитали в густых лесах бассейна Хуанхэ, лесной барьер эффективно защищал поля от степных песчаных бурь. Однако масштабная вырубка лесов для расширения пахотных земель привела к опустыниванию, особенно в районе современной Великой стены. Песчаные бури покрывали поля слоем песка, вызывая падение урожайности и экономический кризис. Параллельно песчаные наносы перекрывали водные источники, осушая малые реки. Для решения проблемы Цинь разработала остроумную систему ирrigации — строительство дамб и водохранилищ на реках вроде Цинхэ с последующим распределением воды через каналы. Эта технология резко повысила продуктивность сельского хозяйства, обеспечив продовольственную базу для армии. Изобилие зерна позволило Цинь содержать мощную армию, которая в конечном итоге объединила Китай^[12].

Гумилёв подчёркивал, что исторические феномены суть результат полифакторного взаимодействия, а не следствие единственной причины. Поэтому при изучении этнической истории необходимо учитывать взаимовлияние климатических колебаний, трансформаций растительного покрова, миграций народов и военных конфликтов.

Под влиянием теории «вмещающего ландшафта» анализ хунно-ханьских отношений у Гумилёва естественно вписывается в контекст природной среды: «Поэтому, изучая историю евразийских кочевников, мы знакомимся с историей природных условий населяемой ими территории»^[13]. Кочевой образ жизни был детерминирован степным ландшафтом: открытый рельеф, дефицит воды и нерегулярные осадки формировали «жёсткие ограничения», требующие высокой мобильности. Именно эта «потребность в подвижности» стала ключевой адаптационной чертой военной организации при возвышении Хунну и Монгольской империи. Гибкие боевые построения и манёвренная кавалерия позволили хуннам успешно противостоять вызовам среды.

«Центральноазиатские кочевники, чья культура принципиально отличалась от китайской или иранской... Хунны, тюрки и монголы создали устойчивый быт, технику, литературу и государственность на базе кочевого скотоводства. Даже при постоянных контактах с китайцами они не перенимали ни письменности, ни социальных институтов. Их этнографическая уникальность определялась хозяйственным укладом, адаптированным к степному ландшафту»^[14]. Используя особенности среды, хунны выстроили социальную систему с кочевым ядром, сохранив автономию в контактах с земледельческой цивилизацией.

Монгольская империя усовершенствовала эту модель, создав сложную пространственную

систему управления. Ямская служба и коммуникационная сеть стали прямым ответом на вызовы степного ландшафта. Распределённый характер ресурсов обусловил уникальную модель управления — гибкое децентрализованное распределение. В западной части степи с её разреженными пастбищами сложились подвижные племенные объединения, тогда как на влажном востоке с концентрированными ресурсами возникли централизованные структуры.

В отличие от кочевых, земледельческие цивилизации развивались через креативную трансформацию ландшафта. В бассейне Хуанхэ древнекитайское общество посредством гидротехнических систем радикально преобразовало природную среду. Ирригация не только повысила продуктивность, но и создала продовольственную базу для военной машины. Однако интенсификация сельского хозяйства вызвала экологический ответ: обезлесение привело к опустыниванию в районе Великой стены. Это демонстрирует двунаправленность антропогенного воздействия: преобразование ландшафта обеспечивает ресурсы, но требует технологической коррекции негативных последствий.

Таким образом, противоречия между хуннским кочевым и ханьским земледельческим укладами коренятся в принципиально разных моделях адаптации к ландшафту.

Существование кочевых народов напрямую зависело от сезонных изменений степных ландшафтов. Хуны осуществляли межсезонные миграции в соответствии с распределением водных ресурсов и пастбищ, особенно в районе Ордосской излучины Хуанхэ, где степные экосистемы и источники воды выступали ключевым фактором выживания. Ресурсы этого региона составляли основу жизнеобеспечения хуннских кочевых групп, что предопределяло необходимость постоянного контроля и борьбы за эти территории в процессе сезонных перемещений.

Однако политика военно-земледельческих поселений (тунтянь), проводимая Ханьской империей, предполагала обеспечение продовольственной безопасности через создание стационарных сельскохозяйственных угодий, особенно в пограничных районах, соприкасавшихся с хуннскими территориями. Эти поселения должны были содержать крупные пограничные гарнизоны. Реализация данной политики спровоцировала конфликты между Хань и хуннами за земельные и ресурсные права в одних и тех же регионах. На фоне климатической нестабильности, усиления засух и песчаных бурь, несущая способность степных экосистем постепенно снижалась, что сокращало жизненное пространство хуннов, в то время как Хань стремилась к экстенсивному расширению сельскохозяйственных земель.

Колебания природной среды, особенно проявление второго малого ледникового периода в конце Восточной Хань, усугубили деградацию степных экосистем. Снижение температур привело к сокращению периода вегетации трав, ограничив продуктивность пастбищ. Хуннские кочевые группы, испытывая давление на жизненное пространство, вынуждены были продвигаться южнее в поисках пастбищных ресурсов. Малый ледниковый период также ограничил поголовье скота у хуннов, увеличив частоту их вторжений на юг, что вызвало прямую конфронтацию с Ханьской империей в вопросах распределения природных ресурсов. Усиление нагрузки на ханскую оборону потребовало мобилизации дополнительных ресурсов для противодействия кочевникам, что стало одним из факторов эскалации противоречий.

Великая Китайская стена как военный рубеж Хань против хуннов обладала не только функциями физического барьера, но и чётко выраженнымми чертами экологической границы. В определённой степени она марковала зону экологического раздела между

кочевыми и земледельческими сообществами. Стена совпадает с изолинией 400 мм годовых осадков — ключевой экологической границей между степью и пахотными землями. К югу от стены происходило постепенное освоение земледельческим обществом ресурсов, при этом сельскохозяйственное производство Хань усиливало давление на водные ресурсы, почвы и климатическую систему. К северу от стены выживание кочевников оставалось зависимым от степных пастбищных ресурсов. Таким образом, Стена выступала не только военным фортификационным сооружением, но и ландшафтным маркером, разделяющим две экономические модели. Её дуальная функция демонстрирует неразрывную взаимосвязь военных и экологических факторов в хунно-ханьских конфликтах.

В контексте экологических условий и моделей жизнеобеспечения хунно-ханьские отношения эволюционировали от простого военного противостояния к многомерной конкуренции, охватывающей географические, климатические, ресурсные и культурные аспекты. Однако, хотя теория Гумилёва обладает уникальной объяснительной силой при анализе взаимодействий кочевых и земледельческих цивилизаций, излишний акцент на географический детерминизм может привести к недооценке сложного взаимодействия среды и культуры в социальных системах.

3. Взлёты и падения этносов под влиянием пассионарной энергии

Теория этногенеза Гумилёва построила уникальную модель энергетической динамики, интерпретирующую циклы расцвета и упадка этносов как движение жизненного цикла пассионарной энергии. Согласно модели «пятифазной эволюции этноса» (подъём-акматика-перегрев-инерция-обскурация), изложенной в работе «Этногенез и биосфера Земли», этносы на разных стадиях развития демонстрируют радикально различающиеся энергетические характеристики. Данная теория позволяет объяснить парадоксальные аспекты хунно-ханьского противостояния.

«В период со II по I век до н.э. экономика, культура и население Хань переживали стремительное восстановление. Территория империи расширилась, а численность населения достигла приблизительно 59,6 млн человек. При этом общая численность хуннов составляла лишь около 300 тыс., создавая явный дисбаланс сил. Однако абсолютная мощь древних государств определялась не только демографическими показателями, но и фазой этногенеза или „возрастом“ этноса. Поскольку процесс этнического формирования Китая начался ещё в IX веке до н.э., ко II веку до н.э. он вступил в инерционную fazу (доминирование трудолюбивого, но лишённого инициативы населения). Ханьской армии приходилось комплектовать ряды заключёнными и племенами пограничья, которые воспринимали империю как угнетателя. Поэтому, несмотря на наличие талантливых полководцев, боеспособность войск оставалась низкой. В то же время хунны находились в фазе подъёма и акматики, где понятия „армия“ и „этнос“сливались воедино. Именно поэтому в период с 202 по 57 гг. до н.э., несмотря на малочисленность, хунны успешно противостояли ханьской экспансии. Лишь посредством искусного стравливания племён и провоцирования внутренних распри среди хуннов ханьские посланники смогли обеспечить победу империи»[\[15\]](#).

Для Ханьской империи этнический процесс, начатый ещё при чжоуской феодальной системе (около IX в. до н.э.), привёл к вступлению в инерционную fazу этногенеза к эпохе У-ди[\[16\]](#). (Согласно периодизации Гумилёва: эпоха Чуньцю — «фаза подъёма», период Сражающихся царств — «перегрев пассионарности», эпоха Цинь — «фаза надлома», Хань — «инерционная фаза», конец Хань и эпоха Троецарствия — «фаза обскурации».) Данная стадия проявлялась через мультипликацию энтропийных

дисбалансов:

1) Демографическая ловушка: "Население ранней Западной Хань оценивается в 15–18 млн человек, к началу правления У-ди (134 г. до н.э.) оно возросло до 36 млн. Однако с середины его правления началась длительная стагнация и депопуляция, сократившая численность до 32 млн к 87 г. до н.э."^[17].

2) Ослабление пассионарности среди простонародья.

3) Культурная стагнация: орнаменты ханьских бронзовых изделий демонстрировали значительно меньшую оригинальность по сравнению с шан-чжоускими образцами.

Даже реформы У-ди по расширению военного набора через систему «уских рангов» (武功爵) с награждением отличившихся 200 тыс. цзиней золота лишь временно повысили концентрацию пассионариев, но истощили накопления эпохи Вэнь-цзина, что соответствует гумилёвскому тезису о «перегреве пассионарности» как предвестнике упадка.

В противоположность этому, хуннская конфедерация как молодой этнос находилась в фазе подъёма-акматики. Несмотря на численность в 0,5% от ханьского населения, её социальная организация демонстрировала феноменальную эффективность энергетической трансформации:

- Система «24 старшин» (二十四长制), превращавшая всё население в армию, обеспечивала вертикальную мобилизацию пассионариев.
- Ритуал кровавой клятвы при интронизации шаньюя действовал как механизм коллективного пассионарного резонанса.
- Степная экосистема с пределом нагрузки 5 чел./км²^[18] создавала синергию с кочевой тактикой, позволяя хуннской коннице превосходить земледельческие армии в манёвренности (до 80 км/сутки против 20–30 км у ханьских войск).

Таким образом, разность фаз этногенеза, породившая дисбаланс пассионарности, нивелировала традиционные представления о преимуществе численного превосходства. Это объясняет, почему находящиеся в фазе подъёма хунны могли противостоять инерционной Хань даже при колossalной разнице в демографических показателях.

Гумилёв, введя концепцию «интенсивности пассионарности», раскрыл нелинейную зависимость между этнической энергией и военной эффективностью. Несмотря на наличие индивидуальных пассионариев типа Вэй Цина и Хо Цюйбина, ханьская армия в целом страдала от структурного дефекта — преобладания «субпассионариев». Во время Мобайской кампании 119 г. до н.э., где Вэй Цин уничтожил 19 000 вражеских войск, а Хо Цюйбин — 70 443, оба полководца получили титул «Великого военачальника» (大司马). Однако доминирующей силой выступали не пассионарии, а субпассионарии. Этот разрыв между индивидуальной и коллективной энергией подтверждает гумилёвский тезис о неспособности систем в инерционной фазе генерировать высокую плотность пассионарности. Усугубляющим фактором стала система «семи категорий призывников» (Система мобилизации циньско-ханьского периода, направленная на подавление торгового сословия и укрепление границ. Включала: преступных чиновников, беглецов, зятьёв-примаков, купцов и т.д.), привлекавшая в армию маргинальные группы, что усиливало энтропию военной системы.

В отличие от этого, хуннская военная организация с её «армии-этническим

изоморфизмом» обеспечивала максимальную трансмиссию пассионарной энергии через феномен «пассионарного резонанса» (Явление передачи пассионарности через непосредственный контакт, изменяющий поведенческие паттерны реципиентов.). Метод «свистящих стрел» (鸣镝), введённый шаньюем Модэ, представлял собой ритуализированный тренинг для создания сети коллективного энергообмена. Археологические находки подтверждают: «Прямоугольные анималистические бляшки хуннов позднеханьского периода, с образами взаимокусающихся животных и редкими мифическими существами, демонстрируют преемственность от позднескифских традиций пазырыкской культуры Алтая»^[19]. Эта визуальная семиотика усиливала энергетический резонанс воинов. «Самоорганизующаяся тактика» хуннов минимизировала энергопотери в командной иерархии: «От левого и правого сяньванов до данху — крупные отряды в 10 000 всадников, мелкие в несколько тысяч, всего 24 старшины, именуемых 'десятитысячниками'»^[20]. При этом сохранялась координация через пассионарное поле шаньюя. Такая гибкая структура позволила хуннам в 127 г. до н.э. сковать 120-тысячную ханьскую армию 30-тысячным конным корпусом, затем стремительно захватить Хэсийский коридор. Энергетическая асимметрия (земледельцы тратили энергию на логистику, кочевники — на «войну питающую войну») предопределила неравноценность военных результатов.

Политика «мирных браков» получает новую интерпретацию через призму энергетики. Браки принцесс Сюцзюнь и Сею с усуньскими правителями представляли не просто альянсы, а систему имплантации «пассионарных ретардантов» в кочевую среду. Передача металлургических технологий через свадебные свиты повышала технологическую энтропию: оседлое производство ослабляло кочевую пассионарность. Эффект этой «асимметричной энергетической войны» проявился при западной миграции шаньюя Чжичжи: оторванные от монгольского пассионарного поля северные хунны утратили боеспособность, став жертвой рейда Гань Яньшоу.

Упадок хуннов стал следствием «сверхлимитного выгорания» пассионарности: за 150 лет экспансии от Модэ до Хулугу (209–58 гг. до н.э.) энергозатраты превысили системную ёмкость. Надписи из ноин-улинского кургана №6 фиксируют снижение призывного возраста с 15 до 12 лет^[21], что указывает на критическое падение доли пассионариев. Попытка «географического ресета» через миграцию на запад стала, по Гумилёву, «тщетной борьбой с энтропией через пространственный сдвиг»^[22].

Хань, одержав тактическую победу, не избежала системного кризиса инерционной фазы: дебаты на Яньтьеиском совещании обнажили нулевую пассионарность элит, а восстания цянов показали зависимость обороны от внешних энергоисточников (южные хунны, ухуани).

Теория Гумилёва даёт не только аналитический инструментарий, но вскрывает цивилизационные паттерны: пока ханьский двор утопал в мистицизме, сяньбийцы с их «обритой головой и молочным рационом» перестраивали степной порядок; распри хуннов совпали с вызреванием жужаньского пассионарного очага в Алтае.

Пассионарность объясняет не только поведенческие модели в динамических фазах, но и внутренние механизмы этногенеза. Как отмечал Гумилёв, эта сила, пронизывая все стадии развития этноса, есть «факел, ведущий человечество к новым свершениям» и одновременно «фундамент для продолжения начатого»^[23].

Библиография

1. Линь Гань. Всеобщая история хунну. Пекин: Издательство Народ, 1986. С. 4.
2. Лавров С. Б. Лев Гумилёв: Судьба и идеи. М.: Сварог и К, 2000. С. 163.
3. Хань Яцзин. Исследование евразийских идей Л.Н. Гумилёва // Сибирские исследования. 2018. Т. 45, № 1. С. 57.
4. Бань Гу. Ханьшу (История Хань): пунктируванное издание (Т. 94, ч. 1 "Трактат о сюнну"). Пекин: Изд-во Чжунхуа, 1962. С. 3743.
5. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 56.
6. Ма Гоцин. Прорывая почву: полевое отображение мобильного общества. Пекин: Изд-во Пекинского пед. ун-та, 2020. С. 10.
7. Барфилд Т. Опасные границы: кочевые империи и Китай / пер. Юань Цзянь. Цзянсу: Изд-во Цзянсу, 2023. С. 49.
8. Grousset R. L'Empire des Steppes. Paris: Payot, 1965. Р. 402.
9. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. С. 176.
10. Яцунский В.К. Предмет и задачи исторической географии // Историк-марксист. 1941. № 5. С. 21.
11. Гумилёв Л.Н. По поводу предмета исторической географии: (Ландшафт и этнос): III // Вестник Ленинградского университета. 1965. № 18, вып. 3. С. 112-120.
12. Гумилёв Л.Н. Струна истории. Лекции по этнологии. М.: Айрис-пресс, 2008. С. 73.
13. Гумилёв Л.Н. По поводу предмета исторической географии: (Ландшафт и этнос): III. 1965. № 18, вып. 3. С. 112-120.
14. Гумилёв Л.Н. По поводу предмета исторической географии: (Ландшафт и этнос): III // Вестник Ленинградского университета. 1965. № 18, вып. 3. С. 112-120.
15. Гумилёв Л.Н. Три китайских царства. М.: Алгоритм, 2012. С. 116. EDN: QPWLFZ
16. Гумилёв Л.Н. Струна истории. Лекции по этнологии. М.: Айрис-пресс, 2008. С. 543.
17. Гэ Цзяньюнь. История населения Китая. Т. 1: Введение, период от древности до Южных и Северных династий. Шанхай: Изд-во Фуданьского ун-та, 2002. С. 197.
18. Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. New York: American Geographical Society, 1940. Р. 58.
19. Ян Цзянъхуа, Шао Хуэйцю, Пань Лин. Металлические пути Восточной Евразийской степи: Шелковый путь и формирование союза сюнну. Шанхай: Изд-во Шанхайских древних текстов, 2016. С. 500.
20. Бань Гу. Ханьшу (История Хань): пунктируванное издание (Т. 94, ч. 1 "Трактат о сюнну"). Пекин: Изд-во Чжунхуа, 1962. С. 3751.
21. Лубо-Лесниченко Е.И. Древние китайские шелковые ткани и вышивки V в. до н.э. - III в. н.э.. Л.: Гос. Эрмитаж, 1974. С. 144.
22. Гумилёв Л.Н. Струна истории. Лекции по этнологии. М.: Айрис-пресс, 2008. С. 412.
23. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. С. 263.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Влияние теории этногенеза Л. Н. Гумилёва на его исследование отношений между Китаем - и Хунну» (уже само заглавие несколько некорректно, теория - Гумилева, исследование также Гумилева, т.е. автор предлагает рассмотреть влияние взглядов Гумилева на работу Гумилева) является объемной и при этом довольно неоднозначной работой, проблемы которой во многом обусловлены отсутствием должного научно-методического аппарата: отсутствие указаний на цели исследования,

методологию, источниковую базу и т.д. существенно затрудняют понимание логики данной работы, о проблемах с литературой стоит сказать отдельно. Насколько можно судить по вводной части, автор позитивно относится к пассионарной теории этногенеза Л.Н. Гумилева и видит в ней тот комплексный метод анализа, который позволяет «перевести изучение китайско-хуннских отношений с уровня описания исторических событий на уровень глубинного исследования многофакторности этих отношений через призму антропологии, генетики, биологии и других наук». Даже не вдаваясь в оценки (а они неоднозначны) теории Гумилева, отметим, что во-первых, теория не нова, во-вторых, есть много других способов/методологий перевести изучение исторических событий с уровня описаний на уровень глубинных многофакторных исследований. Возможно, если автор адресует свой текст китайской аудитории (автор с одной стороны упрекает китайскую науку в отставании, с другой констатирует единодушное (?) признание китайскими учеными успешности теории Гумилева), то в пересказе работ Гумилева касательно китайско-хуннских отношений есть какой-то смысл, но для российской аудитории такой смысл вряд ли имеет место быть. Возможно, автором ставилась задача рассмотреть характер и динамику китайско-хуннских отношений на основе теории этногенеза Гумилева, но с привлечением источников и литературы, находящихся за пределами работ Гумилева, однако здесь мы сталкиваемся с другой проблемой: в сносках царит полный хаос, мы не можем понять, кого и когда цитирует автор, что является теоретической основой данной работы. Уже первая цитата «китайские учёные единодушно признают, что “теория Гумилёва представляет собой успешный синтез множества дисциплин — географии (включая геофизику и метеорологию), экологии, психологии, социологии, истории (включая археологию и источникование)» отсылает нас почему-то к французской монографии Груссе 1965 г., цитата из Владимирцова сносится на трактат Бань Гу. Ханьшу (История Хань), и так далее по абсолютно всем сноскам вплоть до того что численность населения Западной Хань автор берет из послания Путина Федеральному собранию. Позиции 19-23 в библиографическом списке просто потеряны. Рецензируемый текст рекомендуется к доработке начиная с целеполагания, заглавия, методологии и т.д.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Известно, что теория этногенеза Л.Н. Гумилева имеет горячих сторонников и не менее ожесточенных противников, так повелось уже в советский период, так продолжается и в наши дни. Сам Лев Гумилев как-то сказал: «Все, что мы видим, – этнично. Потому что этнос – это способ вести себя, приемлемый для ваших соседей. Каждый человек должен себя как-то вести, то есть он принадлежит к какому-то этносу».

В этой связи вызывает интерес изучение взаимоотношений древнего Китая и хунну с учетом концепции знаменитого историка, тем более, что в современном Китае имя российского ученого достаточно известно.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является применение теории этногенеза Л. Н. Гумилёва к изучению отношений между Китаем и Хунну. Автор ставит своими задачами проанализировать междисциплинарный подход как новацию исторических исследований, рассмотреть этнические процессы в рамках вмещающего ландшафта, показать взлёты и падения этносов под влиянием пассионарной энергии.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности,

методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор использует также сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор, используя теорию Л.Н. Гумилева, переводит изучение китайско-хуннских отношений с уровня описания исторических событий на уровень глубинного исследования многофакторности этих отношений через призму антропологии, генетики, биологии и других наук.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя до 20 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы на китайском языке, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором источников укажем на ставшие классическими труды Л.Н. Гумилева («Струна истории», «Этногенез и биосфера Земли», «Три китайских царства»), а также официальную династийную историю Ранней Ханьской династии и т.д. Из используемых исследований отметим работы Хань Яцзина и Т. Барфилда, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения кочевых империй древности. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как кочевыми империями прошлого, в целом, так и теорией этногенеза Л.Н. Гумилева, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «противоречия между хуннским кочевым и ханьским земледельческим укладами коренятся в принципиально разных моделях адаптации к ландшафту». В работе показано, что «в контексте экологических условий и моделей жизнеобеспечения хунно-ханьские отношения эволюционировали от простого военного противостояния к многомерной конкуренции, охватывающей географические, климатические, ресурсные и культурные аспекты». Автор справедливо отмечает, что «хотя теория Гумилёва обладает уникальной объяснительной силой при анализе взаимодействий кочевых и земледельческих цивилизаций, излишний акцент на географический детерминизм может привести к недооценке сложного взаимодействия среды и культуры в социальных системах».

Главным выводом статьи является то, что «теория Гумилева даёт не только аналитический инструментарий, но вскрывает цивилизационные паттерны: пока ханьский двор утопал в мистицизме, сяньбийцы с их «обритой головой и молочным рационом» перестраивали степной порядок; распри хуннов совпали с вызреванием жужаньского пассионарного очага в Алтае».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории древнего мира, так и в различных спецкурсах.

В то же время к статье есть замечания:

- 1) Вопреки правилам журнала, автор в библиографии дает ссылки на конкретные страницы.
- 2) Желательно немного подробнее рассказать о самих хунну, что расширит интерес

читательской аудитории.

После исправления указанных замечаний статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье предпринят анализ взаимодействия Китая (Ханьской империи) и кочевого народа хунну через призму теории этногенеза Льва Гумилёва. Основное внимание уделяется динамике отношений между двумя цивилизациями – оседлой земледельческой и кочевой. Взаимодействие цивилизаций рассматривается в рамках междисциплинарного подхода с точки зрения пассионарной энергии, вмещающего ландшафта. Автор исследует, как гумилёвские концепции (фазы этногенеза, пассионарность, комплементарность) позволяют объяснить военные, экономические и культурные аспекты ханьско-хуннских отношений, выходя за рамки традиционной историографии.

Междисциплинарный подход является основой методологии исследования. Применены методы исторических наук – анализ источников, археологических данных, методы антропологии в сочетании с методами экологических и биологических исследований – анализ адаптации кочевников к степной экосистеме, анализ влияния климата на миграции и конфликты, анализ влияния генетических и физиологических факторов. Такой синтез позволил автору преодолеть ограничения классической историографии, где хунны часто рассматриваются лишь как «варвары», раскрыть системные причины их поведения, такие как экологическая уязвимость, дефицит ресурсов и демографические процессы.

Актуальность исследования обусловлена теоретической значимостью теории Гумилёва, которая демонстрирует объяснительный потенциал (способность объяснять явления, события, процессы) применительно к конкретному историческому контексту. Работа соответствует современной тенденции к интеграции естественно-научных и гуманитарных методов. Анализ конфликтов земледельцев и кочевников помогает понять аналогичные процессы в других регионах (например, отношения Руси и степняков).

Научная новизна исследования заключается в переосмыслении ханьско-хуннских отношений не как линейной борьбы, а как сложного энергообмена между этногеосистемами; в использовании гумилёвской модели для объяснения военных успехов хунну, несмотря на их малочисленность; в анализе экологических факторов (климат, ресурсы) как ключевых детерминант конфликтов. Особый интересен представляет тезис о том, что Ханьская империя находилась в «инерционной фазе» этногенеза, тогда как хунну – в «акматической», что предопределило их тактическое превосходство.

Работа отличается логичной структурой, где каждый раздел посвящён отдельному аспекту (антропология, экология, биология и т. д.). Стиль работы академический. Использованы термины «пассионарность», «комплементарность», «вмещающий ландшафт», что требует от читателя знакомство с теорией Гумилёва. Заметна избыточная детализация некоторых моментов (например, описание ритуалов хунну) может затруднить восприятие.

Список литературы включает 23 работы: первоисточники («Ханьшу» Бань Гу), труды Л.Н. Гумилёва и работы о нем. Современные публикации ограничены 4 работами китайских исследователей. Сложно не заметить, что не хватает критических работ о теории

Гумилёва – например, дискуссий о научности понятия «пассионарность». Автор недостаточно обращается к публикациям отечественных исследователей за последние 5 лет (например, Прудникова, Т. Н. Земледельческая культура времени хунну в Туве // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2025. 1), обошел вниманием монографии А.В.Любичанковского (Любичанковский А.В. Концепция этногенеза Л.Н. Гумилева в практике ментально-географических исследований. Оренбург, 2015), Бассина (Bassin M. The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism, and the Construction of Community in Modern Russia (Culture and Society after Socialism), Cornell University Press, 2016).

В части апелляции к оппонентам автор попытался выразить возражения относительно географического детерминизма (поставив вопрос – не преувеличена ли роль ландшафта в истории хунну?), упрощение китайской истории (действительно ли Хань была в «инерционной фазе»?). Автор частично отвечает на эти вопросы, приводя данные о климатических изменениях и демографии, но недостаточно критикует саму теорию Гумилёва

Сделаны выводы, что теория Гумилёва позволяет увидеть ханьско-хуннские отношения как динамическую систему, где войны, торговля и миграции обусловлены не только политикой, но и фазами этногенеза, экологией и энергообменом.

Исследование представляет ценность для историков, изучающих кочевые империи; антропологов, интересующихся адаптацией этносов к среде; философов науки, анализирующих междисциплинарные методы.

В целом работа представляет научный интерес, хотя требует более критического взгляда на методологию Гумилёва в рамках современных научных дискуссий.